

дать себя на всякое доброе дѣло, онъ превратился въ развращеннаго, утонченнаго эгоиста, любящаго только свое наслажденіе. То духовное существо, которое Нехлюдовъ считалъ тогда своимъ настоящимъ я, смѣнилось потомъ здоровымъ, бодрымъ, но животнымъ я, которое стало его личностью. Онъ цѣликомъ поддался вліянію окружающей его среды людей, признававшихъ умственными и осмысленными только матеріальныя потребности. По мѣрѣ сближенія своего съ Катюшей, физическая страсть все больше и больше охватывала Нехлюдова и, наконецъ, втянула ихъ обоихъ въ тотъ соблазнъ, который явился рѣшающимъ событіемъ въ жизни Катюши.

И вотъ, много лѣтъ спустя, Нехлюдову пришлось совершенно случайно присутствовать, въ качествѣ одного изъ присяжныхъ, при разбирательствѣ процесса объ отравленіи и ограбленіи, въ которомъ судилась и обвинялась Маслова вмѣстѣ со своими сообщниками. Когда для него стало несомнѣннымъ, что въ лицѣ подсудимой Масловой передъ судомъ предстала та самая Катюша, въ которую онъ былъ когда-то влюбленъ, въ душѣ его поднялась «сложная и мучительная работа». По мѣрѣ того, какъ выяснялось изъ разбирательства дѣла, насколько низко она пала послѣ своей разлуки съ нимъ, Нехлюдова все болѣе и болѣе охватывало чувство ужаса отъ сознанія своей виновности въ ея нравственномъ паденіи. По мѣрѣ